

О. И. ОЖЕРЕЛЬЕВ

Доверчивый романтик с Великими замыслами свободы и нравственности

От великого реформатора, давшего свободу народам, до уникального предателя интересов России, развалившего великую державу — так неоднозначно воспринимается личность Михаила Сергеевича Горбачева. Такое неоднозначное восприятие *итогов деяний Горбачева* отражает величие исторической смены вех, процесс ломки эпохи конца XX столетия, которые несомненно имели многослойный и нередко противоречивый характер.

Главная претензия многих россиян к Горбачеву: он развалил Советский Союз — союз братских народов, искренне желавших продолжать жизнь под административной системой единого партийного руководства из Москвы (при декоративно избираемых местных и Верховных Советах), с едиными принципами (кому хочу, тому и дам) распределения из Москвы всей дефицитной (а не дефицитная никому не нужна) продукции, при сохранении беспредела всепронизывающего единого КГБ. При этом забывают отметить, что этот Союз в значительной мере скреплялся насильем — эдакая взаимная любовь, но с силовым принуждением. От социализма остались лишь вывеска и пропагандистские декорации, которые успешно используются и поныне.

Всё большая часть не только научной элиты, но и людей в руководстве страны видела, что критически остро назрели потребности реформирования государственного устройства. Дальше так жить нельзя.

Что делалось Горбачевым и сотоварищи? — переформатирование *государства-диктатуры узкого круга властной элиты*, в государство с реальным разделением трёх ветвей власти с их реальной подконтрольностью гражданам страны. В том числе осуществлялся процесс ухода от силовой формы удержания народов в Союзе, в добровольный, взаимовыгодный, равноправный Союз,

выстроенный на основе преимуществ, лучших возможностей совместной реализации определённой части интересов самих народов, входящих в этот Союз. Вина и решающая ошибка Горбачева состояла в том, что проведённые им политико-институциональные преобразования по созданию правового государства опередили экономические, проводимые Правительством, а беда (а может глупость), что у получивших свободу выбора формы совместной координации руководителей республик, возобладали (– а могли ли они не возобладать?) личные амбиции и стремление стать абсолютно не связанными какой бы то ни было координацией через совместно создаваемый Центр. Усилению этих амбиций, несомненно, способствовал перестроенный хаос в экономике, который, кстати, был таковым прежде всего по вине Правительства Рыжкова. При этом тараном развала стало тогдашнее руководство России. Оба эти явления стали возможными вследствие трагического неумения организовать эффективную работу исполнительной ветви власти, я бы сказал — фатальной неспособности высшего горбачёвского руководства переводить слова, идеи и даже решения и директивы в практические дела. Таковы реперные точки постепенно накопившиеся к самому последнему этапу Советского Союза*.

К сожалению, и поныне полно оракулов, фонтанирующих всякие небылицы о Горбачеве и перестройке и необременяющих себя знаниями сути вынужденно происходивших модернизации и очеловечения Советского государства и его международных взаимоотношений. Я был не столько свидетелем, сколько непосредственным участником тех, как правило, неоднозначных по последствиям, преобразований. Начиная с мая 1984 г., когда Горбачев, становясь решающей фигурой большой политики, создал рабочую группу для подготовки по существу первого своего общеполитического доклада, призванного осмыслить политико-экономическую ситуацию в стране (доклад был сделан на научно-практической конференции и опубликован в декабре 1984 года под названием «Живое творчество народа»), и до последнего дня пребывания Президента СССР в Кремле, мне довелось непосредственно, иногда в большей, иногда в меньшей мере, но фактически постоянно работать с Михаилом Сергеевичем над материалами его концептуальных выступлений, докладов, проектов постановлений ЦК и решений партконференции и съездов партии. Поэтому я оцениваю личность Горбачева не на основе единичных встреч,

* Внутренняя логика тех событий выявлена в моей книге «Идеалы и преступления». См.: *Ожерельев О. И.* Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016.

слухов, домыслов и фантазий, а исключительно опираясь на свои собственные общения и восприятия его деятельности и постепенного выкристаллизовывания им своего миропонимания.

Горбачев в жизни, прежде всего, человек редкого обаяния. В компаниях мне неоднократно приходилось сидеть вместе с ним за общим творческим столом на рабочей даче, интенсивно обсуждать проблемы в самолётах и, даже на вертолёте. И с «рюмкой чая», и без, и всегда чувствовалось его дружелюбие к окружающим, богатство его души, интеллект, государственность интересов. С ним было приятно общаться, начисто отсутствовали даже нотки чиновничьей чванливости, высокомерия, ранжирования окружающих. И в то же время как-то незримо ощущались его лидерские способности.

Видел я Михаила Сергеевича и в трудные дни заката Советского Союза. Вот Горбачев в Иркутске. На улицах и площадях море народа, настроенного, в основном, недоброжелательно-агрессивно. Проезжая мимо разъяренной толпы, останавливается, выходит без видимого страха, возбужденно объясняет ситуацию, вступает в диалог. И через 15 минут толпа успокаивается, занимает по отношению к нему примирительную позицию. «Ну, естественно! — говорят люди Михаилу Сергеевичу. — Мы с Вами, мы Вас поддержим, но надо же действовать! Надо действовать! Надо действовать!» И Михаил Сергеевич соглашается: «Да! Давайте вместе будем действовать! На этом стороны расстанутся. Одна — с надеждой, другая — с тяжёлыми чувствами размышлений.

Внутренняя коллективистская сущность характера М. С. ярко проявлялась в технологии работы над его докладами и выступлениями, в ходе работы над которыми формировалось представление о том, что и как следует перестраивать. Идею вначале обсуждали в узком кругу 4–5 человек: обычно это он, Медведев, Яковлев и ещё 2–3 человека, в зависимости от тематики. Затем создавалась рабочая группа до 6–10 человек, которая размещалась на даче «Волынская» (на улице Волынская, бывшая дача Жданова¹, через дорогу от дачи Сталина). Здесь намечалась структура материала, распределялись исполнители разделов, кто-то занимался сведением разделов в единое целое. Далее, приезжал Горбачев, брал текст в свои руки и за общим столом начиналась совместная проходка по абзацам. Шло беспристрастное обсуждение всех предложений, формулировок и акцентов. Фактически все участники обсуждения высказывались как абсолютно равные и особенно не заморачивались каким бы то ни было чинопочтением. М. С. ко всем обращался по имени и, как правило, на «ты», что делало даже самое острое и иногда непримиримое восприятие некоторых

идей чисто товарищеским и даже дружелюбным. Формулировки и вопросы заносились в передиктованный самим Горбачевым текст, над которым сразу же продолжалась творческая работа. Такие совместные проходки текста осуществлялись многократно и на какой-то стадии М. С. давал добро на рассылку текста членам Политбюро. На основе высказанных замечаний членов Политбюро проходила доработка текста в рабочей группе. Окончательная шлифовка проходила на госдаче в Завидово: «Тройка» — Горбачев, В. А. Медведев и А. Н. Яковлев — была последней инстанцией, которая шлифовала весь материал, подготовленный рабочими группами и обсуждённый членами Политбюро. В том числе, по концепции Перестройки, партсъездам, партконференции, пленумам ЦК.

И последний штрих к портрету Горбачева. В те минуты, когда в Кремль поступала информация о сговоре руководителей трёх республик в Беловежской пуще, Горбачеву настойчиво предлагалось арестовать всю беловежскую компашку. Делился своими соображениями и я. Принимая тяжёлое решение не использовать силовые структуры, он сказал тогда: «знаешь, Олег, марать кровью свои руки? Разве не для недопущения таких методов мы работали все эти годы? Арест руководителей республик дезавуирует всю нашу перестройку. Аресты противоречат моим идеалам нравственности, моим идеалам демократизма. *Пусть республики сами принимают решение*»... Как это оценить? Можно как нерешительность, непозволительную для руководителя такой огромной страны в условиях недосформированных механизмов сдержек и институциональных противовесов, а можно как жёстко последовательную приверженность демократизму. (Теперь мы знаем о катастрофических последствиях для последующего развития свобод антидемократического, якобы вынужденного, расстрела Ельциным Парламента России.)

Спустя 30 лет, осмысливая некоторые фрагменты нашего разговора той напряжённой ночи, я всё больше понимаю, что неприемлемость силовых, кровавых методов использования власти была внутренне присуща Горбачеву. Готовность к диалогу, и признание допустимости отстаивания других точек зрения — важнейшее качество его личности. К несчастью общества, ныне наступила полоса, в которой возобладал принцип бескомпромиссности. Идеал Приоритета сотрудничества, конкурентности и одновременно толерантности уступил место принципу борьбы без предела, вплоть до уничтожения людей и государств, носителей иных ценностей. Наступила ЭПОХА НЕДОГОВОРОСПОСОБНОСТИ. Государства, точнее власти под благодными завесами, всё чаще отказывают

в праве сосуществования иного мировоззрения и соответственно иного этического выбора государственного устройства, всё более скатываются к силовым методам «перевоспитания» иномыслящих, всё более готовы воевать до последнего солдата. *Мир вновь (после горбачевско-рейгановского разворота от непримиримой конфронтации к мирному сотрудничеству) стремительно катится в бездну* и каждый полагает, что он лично остановить это скатывание не может, а ему и его близким удастся либо быть в стане победителей, либо отсидеться на сторонке или в бункере.

Как это ни прискорбно сознавать, но качественное преобразование элитарно-бюрократических систем, зиждущихся на силе страха и ограничении гражданских свобод, возможно либо революционным взрывом народных масс, либо силой воли и действий человека (элиты), стоящего на вершине государственной власти. Третьего здесь не дано. И здесь осознание роли конкретной личности приобретает фундаментальное значение. Михаил Сергеевич, несомненно, смог подняться на уровень понимания необходимости решения исторических задач, во-первых, безотлагательного разворота от пропасти ядерного самоуничтожения, во-вторых, острой необходимости построения правового государства, утверждающего приоритет свобод и нравственности.

Горбачев, его идеи и преобразования, личный и государственный выбор как руководителя великой державы внесли существенные коррективы в ход общечеловеческой Истории, привели к тектоническим изменениям вектора развития человечества конца XX и начала XXI веков: снижение страха как главного рычага управления людьми, государствами, межгосударственными и межнациональными отношениями; административная и законодательная попытка сделать справедливость и интересы гражданина высшей целью всей работы государства. О нем без преувеличения можно сказать, что он как лидер величайшей державы дал свободы республикам СССР, народам стран Восточной Европы (как народы воспользовались этими свободами, шансом — это их выбор), по существу, отодвинул тогда человечество от, очевидного скатывания в пропасть термоядерной зимы.

В заключение не могу не выделить существеннейшую черту его государственного стиля — нравственность. Мы не знаем ни одного случая, чтобы при принятии решений, шла ли речь о кадровых, экономических, внутренних или международных отношениях страны, Горбачев руководствовался материальными или финансовыми интересами семьи, друзей, сослуживцев, земляков. Только интересы народа страны и ничего личного — это было сильнейшим качеством, именно это позволило Горбачеву стать политиком

мирового масштаба. Прделанная Горбачевым решающая часть перестройки авторитарной системы управления страной и между народами, стремление достойнейшим образом выполнить свою историческую миссию избавления народов от страха, утверждения свобод и нравственности ввело Горбачева в Храм Истории мировой цивилизации в самом высоком смысле этого слова.

Октябрь 2022 года

